РИЯ НОВА

ЧАСОВЩИК

Рия Нова

Часовщик

«Автор»
2026

Нова Р.

Часовщик / Р. Нова — «Автор», 2026

Время — беспощадный палач человеческих жизней и судеб. Никто не знает, сколько нам суждено прожить этих крошечных делений на циферблате, которые так быстро оставляет позади рвущаяся вперед и только вперед стрелка. И никому не суждено перевести эту стрелку назад, чтобы подарить кому-нибудь, нуждающемуся в этом, еще одну минутуВ руки главного героя попадают старинные карманные часы, которые тут же становятся центром внимания и притязаний одного странного коллекционера, готового не просто отдать за них огромные деньги, но даже убитьЧто скрывают в себе старые часы? И почему их секундная стрелка отсчитывает время в обратном направлении?

© Нова Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 12
Глава 4 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Рия Нова
Часовщик

Глава 1

Кабинет директора оказался теснее, чем запомнилось в прошлый раз. А может, просто стены сдвинулись — Адриан уже не мог разобрать, где кончается действительность, а где начинается усталость, накопившаяся за последние три дня. Тяжёлые портьеры на окнах не пропускали почти ничего, кроме густых сумерек, хотя на улице ещё стоял день, пусть и холодный, промозглый, такой типичный для этого времени года.

Он сидел на жёстком стуле с прямой спинкой, положив руки на колени. Перед ним на столе, покрытом выцветшей лаковой краской, лежали бумаги. Три экземпляра. Адриан смотрел на них уже несколько минут — не читая, просто водя взглядом по строчкам, которые складывались в слова, а слова — в приговоры.

«…констатировать смерть…»

«…отсутствие признаков насильственного характера…»

«…настоящим подтверждаю…»

— Ваши родители ушли во сне, — голос директора звучал ровно, даже сочувственно, но с той отстранённой вежливостью, которую вырабатывают люди, слишком часто произносящие такие слова. — Оба. Сердечная недостаточность.

Адриан поднял голову. Директор сидел напротив, сложив руки на груди. Это был мужчина лет шестидесяти с аккуратной седой бородкой и светлыми глазами, которые смотрели будто сквозь собеседника, а не на него. За его спиной на стене висели дипломы в рамках, фотографии коллектива, какие-то грамоты. Всё выцветшее, будто время здесь текло иначе — медленнее, вязче, оседая желтизной на бумаге и пылью на полках.

— Они не страдали, — добавил директор, словно это было важно.

— Вы уже говорили, — ответил Адриан.

Голос прозвучал глухо. Он не узнал его — слишком тихий, слишком чужой.

Директор чуть склонил голову, выдерживая паузу, такую длинную, что она стала неловкой. Потом подвинул к Адриану ручку.

— Если вы подпишете здесь, здесь и здесь… — он ткнул пальцем в отмеченные строки. — Мы сможем завершить формальности.

Адриан взял ручку. Тяжелая, металлическая, она показалась ему холодной, почти ледяной. Он повертел её в пальцах, сжимая слишком сильно. Потом поставил первую подпись. Буквы вышли неровными, не похожими на его обычный почерк. Вторая подпись далась легче. Третья — почти машинально.

Директор тут же забрал экземпляры, переложил их в тонкую картонную папку и завязал тесёмки. Движения его были неторопливыми, почти церемониальными, будто он не бумаги убирал, а совершал некий ритуал.

— Ещё кое-что, — сказал он, не поднимая глаз. — Ваши родители… они оставили завещание. Давно, много лет назад. Оно зарегистрировано, заверено, сомнений в подлинности нет.

Адриан замер. Почувствовал, как что-то ёкнуло внутри. Надежда? Скорее рефлекс, старая привычка ждать от родителей хоть какого-то знака, который перечеркнул бы всё то, что было между ними. Глупо. Он знал, что глупо, но не мог запретить себе этот короткий, острый укол.

— И что же они мне оставили? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

Директор поднял глаза. Взгляд его вдруг стал почти виноватым.

— Вам — ничего, — сказал он. — Простите. Всё их имущество: квартира, вещи, книги, коллекции, всё было завещано городскому музею. Такова была их воля.

Тишина стала другой. Она не просто повисла, она легла на плечи тяжёлым камнем. Адриан не удивился. Нет. Он почувствовал нечто более странное — тошнотворное облегчение. Если бы он услышал другой ответ, то начал корить себя. Но нет, этого не будет.

Конечно. Разумеется. Они и при жизни не хотели делиться со мной ни временем, ни теплом. Зачем бы им начинать после смерти?

— Вот копия, — директор протянул несколько скреплённых листов. — Оригинал в архиве нотариуса. Если захотите ознакомиться с деталями…

Адриан взял бумаги, даже не взглянув на них. Сложил вчетверо и сунул во внутренний карман пальто.

— Вам нужно забрать их личные вещи, — вновь произнес директор. — Совсем немного осталось. Одежда, мелочи…

— Это ни к чему, — перебил Адриан, и голос прозвучал резче, чем он хотел. — Оставьте. Или выбросьте. Мне всё равно.

Он уже поднялся, собираясь уйти, но директор покачал головой.

— Мы не имеем на это права. Вы же понимаете, вся эта бумажная волокита, бюрократия…

Адриан замер. Пальцы медленно сжались в кулак, так что бы не возможно было заметить этого движения.

Им мало того, что они умерли. Они ещё заставляют прибирать после себя.

— Хорошо, — выдавил он. — Где?

Директор потянулся к телефону, но так и не нажал кнопку. Дверь открылась сама, и на пороге появилась женщина в белом халате, накинутом поверх вязаной кофты. Нянечка. Адриан никогда не запоминал её имени, хотя видел уже в четвёртый или пятый раз. Лицо её было круглым, добрым, с мелкими морщинками вокруг глаз.

— Проводите молодого человека, — кивнул директор. — Он заберёт вещи родителей.

Нянечка двинулась по коридору неспешно, но с той особенной плавностью, которая вырабатывается у людей, годами ходящих одними и теми же маршрутами. Её тапки бесшумно скользили по линолеуму, белый халат казался слишком большим, болтаясь на плечах и собираясь складками на спине. Адриан шёл следом, стараясь не смотреть по сторонам, но взгляд сам цеплялся за двери с табличками, за стерильно-чистые перила вдоль стен, за плакаты о здоровом образе жизни.

Воздух здесь пах смертью. Не трупным смрадом, а чем-то более тонким, неуловимым: старостью, увяданием, терпением. Тем запахом, которым пропитываются вещи, когда их хозяева уже не встают с постели.

— Они были хорошими людьми, — негромко сказала нянечка, не оборачиваясь. — Ваши родители. Тихие. Никогда не жаловались.

Адриан ничего не ответил. Что он мог сказать? Что эти «тихие» люди до пятнадцати лет оставляли его одного на Рождество, потому что летели смотреть на какую-то очередную руину? Что они забывали забрать его из школы, потому что увлеклись чтением путевых заметок? Что он научился готовить себе ужин в пять лет, потому что ждать было некого?

— Вот, — она остановилась у двери, ничем не отличавшейся от остальных. — Здесь.

Она достала связку ключей, повозилась с замком, и он щёлкнул с неохотой, будто не желая впускать чужака. Дверь открылась, и изнутри потянуло чем-то затхлым, лекарственным, но уже без той приторной сладости, которая бывает в жилых комнатах. Здесь пахло пустотой.

Комната оказалась маленькой, но светлой. Большое окно выходило во внутренний двор, где росли чахлые клёны. Две кровати, застеленные одинаковыми серыми одеялами. Тумбочка.

Стул. На подоконнике — пустой стеклянный графин. И ни одной личной вещи. Ни фотографий, ни книг, ни безделушек. Будто здесь никто никогда и не жил.

Нянечка прошла к шкафу, открыла дверцу. Внутри висело несколько вещей: пальто и пара костюмов отца, два платья матери, старая шляпа. Всё тёмное, немодное, чужое.

— Вещи в шкафу, — сказала она, оборачиваясь к Адриану, который так и остался стоять у дверей в коридоре. — Я сложу в пакет, если хотите.

— Это... всё? — он шагнул внутрь, обводя комнату взглядом.

— Всё, — кивнула нянечка. И вдруг замолчала. Что-то дрогнуло в её лице. — Хотя нет. Не совсем.

Адриан повернулся к ней.

Она мялась, теребила край халата, словно решала — говорить или нет.

— В день их смерти… — начала она и снова замолчала. — Был посетитель.

— Посетитель? — Адриан не сразу понял, о чём речь. — Ко мне? Или к родителям?

— К вам. К родителям, — поправилась она. — Пришёл днём. Я его видела. Пожилой.

— И что он хотел?

— Не знаю. Я проводила его к ним, а потом он ушёл. Но… — она понизила голос, хотя в коридоре никого не было. — В книге гостей нет записи. Вообще никакой. Я сама смотрела. И дежурная, говорит, что никого не впускала. А я же видела. Своими глазами.

Адриан слушал вполуха. Какая-то часть его понимала, что это странно, что здесь должно быть подозрительно. Но другая, большая часть, была слишком опустошена для странностей.

— Может, обознались, — сказал он. — Или забыли записать.

— Я не обозналась, — обиженно ответила женщина. — У него был такой… тяжёлый взгляд. И когда он прошёл мимо меня, у меня аж мурашки по спине. Как будто…

Она не договорила.

Адриан молчал, глядя на пустые кровати.

— Часы, — сказал он вдруг. — Где их часы? Наручные. У отца были старые, механические. И у матери — маленькие, на цепочке.

Нянечка пожала плечами:

— Не знаю. Я их не видела. У ваших родителей никогда ничего не было кроме одежды. Книги они читали из нашей библиотеки...

Адриан просто кивнул. Ещё одна загадка, которой он не хотел заниматься.

Нянечка молча достала из шкафа вещи, сложила их в шуршащий пластиковый пакет с логотипом пансионата и протянула его Адриану. Нехотя он взял его.

— Спасибо.

— Вы простите их, — вдруг сказала она. — Они ведь… не со зла. Просто… может, не умели иначе.

Адриан замер на пороге. В горле встал ком.

Что же, родители и здесь видимо взахлёб рассказывали о своих невероятных путешествиях...

Он не ответил. Вышел в коридор и пошёл к выходу, не оборачиваясь.

На улице уже смеркалось, когда Адриан покинул пансионат. Пластиковый пакет с вещами родителей шуршал на ветру, цепляясь за полу пальто. Бросив его на сидение автомобиля, даже не глядя, Адриан сел за руль. Двигатель завёлся с пол-оборота — по крайней мере, машина не подводила.

Дорога до квартиры заняла около часа. Город проплывал за окном пятнами: дома, светофоры, редкие прохожие, кутающиеся в воротники. Адриан почти не смотрел по сторонам. Он вёл машину на автомате, сворачивая там, где нужно, останавливаясь тогда, когда надо, не думая о маршруте. Тело помнило дорогу домой лучше, чем голова.

Когда он наконец поднялся на свой этаж и вставил ключ в замочную скважину, внутри было тихо. И темно. Он включил свет в прихожей. Тусклая лампочка под потолком замигала, прежде чем разгореться, и на секунду стены покрылись прыгающими тенями.

Квартира встречала его молчанием. Как и всегда.

Он прошёл на кухню, поставил чайник, но тут же выключил — не хотелось. Вместо этого прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Усталость навалилась мгновенно, как будто весь день он бежал, а теперь, на финише, ноги отказали.

Они умерли.

Он произнёс это про себя несколько раз, примеряя фразу, как чужую одежду. Не лезло. Не становилось правдой.

В коридоре напротив кухни было четыре двери. Все заперты. За ними — комнаты родителей, те самые, куда ему с детства было заказано входить. Там хранились вещи, привезённые из путешествий: статуэтки, маски, старые карты, свёрнутые в трубку, книги на незнакомых языках, куски тканей, засушенные растения, ракушки, монеты — весь этот хлам, который родители считали сокровищами, а он — доказательством того, что они сбегали от него на край света.

Адриан открыл глаза и посмотрел на двери. Раньше они его просто раздражали. Сейчас — бесили.

Всё завещано музею. Даже стены. Даже пол. Даже этот чёртов воздух.

Он толкнул первую дверь плечом. Бесполезно. Заперто. Вторую — та же история. Вернулся в прихожую, открыл ящик комода, где всегда лежали ключи. Взял связку, перетянутую резинкой, вернулся к первой двери и начал перебирать ключи.

Со второго раза замок поддался.

Дверь открылась с протяжным скрипом. Адриан шагнул внутрь и тут же замер.

Воздух ударил в лицо — спёртый, пыльный, с привкусом сухой бумаги и старой ткани. Он включил свет. Лампочка под потолком, в разы слабее, чем в коридоре, едва разгоняла мрак, но даже этого хватило, чтобы увидеть: комната была завалена вещами.

Стеллажи вдоль стен, доверху заставленные книгами и коробками. На полу громоздились чемоданы, некоторые раскрытые, с вываливающейся наружу одеждой незнакомого покроя. У окна стоял письменный стол, заваленный бумагами. И везде, на каждой свободной поверхности, пыль. Толстым слоем. Серая, мягкая, как войлок.

Адриан сделал шаг, и под ногой хрустнуло что-то стеклянное. Это были осколки небольшой рамки. Фотография выпала, лежала лицом вверх.

Чёрно-белый снимок. Какая-то гора, облака и двое — его родители, молодые, смеющиеся, обнимающие друг друга. На заднем плане торчал кусок стены с арочным проёмом. Где это — он не знал. И знать не хотел.

Адриан сжал снимок в кулаке, чувствуя, как край рамки впивается в ладонь.

— Зачем? — спросил он вслух. Голос прозвучал хрипло, почти жалобно. — Ради чего вы оставляли меня одного?

Вопрос повис в пыльном воздухе, не получив ответа.

Он шагнул дальше, уже не глядя под ноги. Тележка с какими-то вазами подвернулась ему под руку, и он толкнул её. Она с грохотом опрокинулась, и вазы разлетелись на осколки. Следом полетела стопка книг. Потом ящик, доверху набитый открытками. Потом всё, до чего дотягивалась рука.

Адриан крушил комнату с той яростью, которую копил годами. Каждая разбитая вещь была местью за день рождения, проведённый в одиночестве. Каждый порванный лист — за школьный спектакль, на который не пришли родители. Каждый удар — за тишину в трубке, когда он звонил им из чужого дома, а они отвечали коротко: «Мы сейчас заняты. Потом».

Когда силы кончились, он упал на колени прямо среди обломков. Дыхание вырывалось прерывисто. Плечи тряслись, и он не мог понять, от рыданий или от усталости.

И тогда он увидел их. Часы.

Они лежали перед опрокинутым стеллажом, возможно выпавшие из него. Карманные часы на тонкой цепочке, с крышкой, покрытой затейливыми узорами. Старые, потускневшие, но всё ещё красивые. На стекле была трещина, которая рассекала циферблат.

Адриан поднял часы. Пальцы скользнули по холодному металлу. Он перевернул их, поднёс ближе к свету, разглядывая.

Стекло хоть и треснуло, но стрелки были видны отчётливо. Минутная застыла на двенадцати. Часовая — на шести. А секундная… Секундная стрелка шла назад.

Не дрожала, не замирала. Медленно, почти неохотно, но неуклонно двигалась против своего обычного хода.

Адриан замер. Сначала он подумал, что обознался — мало ли, сломанный механизм или брак. Но нет. Стрелка шла. Ровно, размеренно, не сбиваясь, шла в обратном направлении: коснулась чёрточки, подразумевающую «50», затем чёрточку «49», и поползла так дальше.

Стекло тускло поблёскивало в полумраке. Цепочка холодила ладонь.

И вдруг, впервые за этот длинный, вывернутый наизнанку день, на губах Адриана появилось нечто, отдалённо похожее на улыбку.

Не потому, что ему стало легче. А потому, что родители, обделившие его всем, сами того не ведая, оставили ему эту странную, неправильную вещь.

Адриан медленно поднялся с колен. Стряхивая пыль с одежды, часы он не выпускал из руки.

— Оставлю их. Себе оставлю.

В комнате, заваленной обломками его детства, секундная стрелка продолжала свой обратный бег, в то время как за тёмным стеклом единственного окна вдалеке начинали блестеть молнии. Начиналась гроза.

Глава 2

В этот ненастный вечер холл привокзальной гостиницы был самым людным местом, так как большинство маршрутов было отменено на сегодня, и пассажиры ринулись занимать свободные комнаты, которых, к счастью, было хоть отбавляй.

Обычно скучающий администратор сейчас еле успевал записывать и заселять всё поступающих и поступающих путников, а одинокий носильщик уже выбился из сил, таская чемоданы, сумки и прочие пожитки, взваленные на него злыми, уставшими и озябшими посетителями.

Когда же, наконец, последний гость был заселён и вместе с носильщиком скрылся на лестничной клетке, а холл опустел, администратор вытер пот со лба и плюхнулся на стул за стойкой, из-за чего не сразу заметил, как к нему направился высокий сутулый старик со впалыми щеками.

— Чем могу вам помочь? — еле сдержав стон, сухо спросил он, вновь поднимаясь на ноги, когда наконец заметил посетителя.

— А вы можете помочь чем-то ещё, кроме как дать мне номер? — блеклые глаза старика уставились на администратора, который вначале растерялся от такого вопроса.

— Номер, да, точно, — пробормотал тот. — Мне нужны будут ваши документы…

Старик брезгливо кинул паспорт на стойку, а сам отвернулся, придирчиво оглядывая холл.

Оформляя нового постояльца, администратор украдкой разглядывал его: выбивающиеся из-под высокой шляпы — цилиндра клочки седеющих волос, длинный чёрный плащ из какого-то грубого материала, и этот невероятно худощавый профиль лица.

— У вас будет минутка подождать? Журнал закончился… — пробормотал он с опаской, показывая старику заполненный журнал регистрации. — Я сейчас схожу за новым…

— Не стоит. Я вижу свободное поле вот здесь, наверху, — с этими словами старик ткнул костистым длинным пальцем в страницу.

— Но тогда нарушится очередность записей…

Взгляд буравящих глаз заставил замолчать, и администратор, записав нового постояльца в единственное свободное место в журнале, вернул документы и выдал ключ.

— У вас вечерами здесь пусто, не так ли? — всё так же оглядывая холл, произнёс старик.

— Да, если нет вновь прибывших, сюда редко кто спускается. Лестница к бару в другом конце коридора, так что… — администратор осекся, так как исказившее лицо старика выражение заставило его содрогнуться. — Я могу чем-то ещё помочь вам? — выдавил он из себя.

— У вас очень красивые часы…

— Простите, что? Ах, часы… — мужчина вытер отчего-то выступивший пот со лба, глядя на свои часы — дешёвые по меркам хороших качественных брендов, но весьма симпатичные и подходящие ему.

— Вы позволите? — старик наклонился над его рукой с часами, пристально изучая их.

Отчего-то стало душно и трудно дышать, из-за чего администратор гостиницы ещё больше вспотел. Он хотел было расстегнуть пуговицу на рубашке, но старик вцепился в руку, на которой были часы, и, вскинув голову, уставился пустым, неподвижным взглядом ему в глаза.

— Тик-так, — прошипел он, и в это же самое мгновение мужчине показалось, что он услышал медленное тиканье прямо у себя в голове, которое совпадало с ударами его сердца.

И это тиканье становилось всё медленнее и медленнее, как и удары, пока совсем не стихло.

Старик разжал свои тонкие костистые пальцы, и обмякшее тело мужчины сползло на пол.

— Тик-так, тик-так, — прошептал старик, пряча часы, как трофей, во внутренний карман плаща.

Он как ни в чём не бывало взял свой маленький чемоданчик, забрал документы и ключ со стойки, после чего не спеша направился к лестнице, где скрылся в полумраке.

Глава 3

За окном было серо.

Адриан не мог сказать, сколько времени. Шторы он не задёргивал с прошлой ночи, но серое небо не давало подсказок: ни рассвет, ни сумерки, ни день, ни ночь. Просто влажная, холодная муть, которая облепляет стёкла и заставляет мир за окном казаться размытым.

Дождь начался ещё затемно. Сейчас он не лил, не моросил, а просто был. Тяжёлые капли срывались с карниза и разбивались о подоконник с мерным, усыпляющим ритмом.

Адриан лежал на спине, уставившись в потолок, и не двигался.

Одеяло сбилось в комок, подушка сползла на пол ещё ночью. Но вставать не хотелось: тело казалось не естественно тяжёлым, а веки слипались, хотя сна не было уже.

Надо вставать.

Он произнёс это про себя, но даже не шевельнулся.

Надо работать.

В голове было пусто. Ни мыслей, ни образов, ни слов — только та звенящая тишина, которая бывает перед мигренью. Он уже забыл, когда в последний раз просыпался отдохнувшим. Может, месяц назад. Может, год.

Наконец, он рывком сел, словно выныривая из глубокой воды. Голова закружилась — пришлось подождать минуту, не открывая глаз. Потом всё же встал, нащупал босыми ногами холодный пол и побрёл на кухню.

Квартира встречала его всё тем же молчанием. Только часы где-то в другой комнате мерно тикали — старые, настенные, которые достались ему вместе с этой квартирой. *Правильные* часы. Те, что идут вперёд, как им положено.

Адриан налил воды из-под крана, выпил залпом, не чувствуя вкуса. Потом заварил крепкий горький кофе и понёс чашку в комнату. Сил не было даже умыться.

На письменном столе как обычно царил хаос: бумаги лежали стопками, но никакой системы в них не было; счета перемешались с вырванными из блокнота страницами, исписанными неровным почерком; газетные вырезки соседствовали с конвертами, из которых торчали непрочитанные письма. Посреди всего этого великолепия стояла старая кружка с засохшими кофейными разводами, валялось три ручки и сиротливо белел ноутбук с севшей батареей.

Адриан воткнул шнур в розетку, сел в кресло, которое скрипнуло под его весом, и уставился на экран.

Он был писателем. Не тем, о котором пишут в газетах и приглашают на интервью. Вообще даже не близко. Он писал для газет и журналов сам: очерки, репортажи, короткие рассказы. Иногда, если везло, что-то публиковали в литературных альманахах. Давно, ещё несколько лет назад, у него была идея для книги. Целая книга! Он тогда ходил гордый, представлял, как её будут читать, как поставят на полку в магазине...

Книги не вышло.

Он написал её, но ожидаемого отклика не получила. На том всё и закончилось.

Идей больше не было. Или они были, но приходили ночью, во сне, а к утру растворялись без следа, оставляя только чувство, что что-то было…важное, нужное… но не осталось даже воспоминания.

А сейчас… сейчас нужно было сдать заказ. Один из тех не многих, которыми он занимался, когда гонорара от публикации в газете не хватало даже на хлеб. Фотографии. Тот самый заказ, из-за которого он три дня назад ездил в другой город. Он тогда ещё подумал: вот вернусь, обработаю снимки, отправлю — и свободен. Но вернулся, а сил не было даже открыть редактор.

Выждав ещё пару минут, давая ноутбуку очнуться, он, наконец, нажал кнопку включения. Экран засветился. Адриан смотрел на папки с невнятными названиями и внутри нарастало желание удалить одним щелчком мыши все эти файлы. И чем дольше он смотрел на экран, тем сильнее становилось это желание.

Тогда взгляд его упал на часы.

Они лежали тут же, на столе, прямо поверх каких-то бумаг, там, куда он бросил их вчера, вернувшись из комнаты родителей. Карманные часы на тонкой цепочке. Старые, потускневшие, с треснувшим стеклом и затейливыми узорами на задней крышке.

Адриан взял их в руки, ощутив холод металла. Секундная стрелка шла назад, как и вчера. Он смотрел на неё несколько секунд, надеясь, что это игра света, усталость или обман зрения. Но нет. Стрелка неумолимо двигалась против хода, оставляя за собой пустоту там, где должна была быть секунда, прожитая вперёд.

Адриан повертел их в руках, пытаясь найти способ открыть крышку. Сзади — гладкий металл, без зазубрин, без кнопки. По бокам — едва заметный шов, но ноготь не цеплялся. Он попробовал поддеть тонким лезвием канцелярского ножа, но ничего не вышло. Потянул заводную головку, но и она не поддавалась.

Часы были закрыты наглухо.

Тогда он вернул их на стол и откинулся в кресле, глядя в потолок. Мысли потекли медленно, как та самая стрелка — назад.

Чьи они?

У матери и отца всегда были часы. Сколько он себя помнил. У отца — старые механические, с кожаным ремешком, который почернел от времени. У матери — маленькие, на цепочке, которые она носила на запястье или пристёгивала к поясу. Адриан никогда не видел их без этих часов. Даже ночью они лежали на тумбочке, тикали в темноте, и этот звук был частью детства, таким же привычным, как скрип половиц или шум дождя за окном.

У самого Адриана никогда не было своих часов.

Он вспомнил, как в детстве ходил в магазин с соседкой, которая иногда забирала его из школы, потому что родители «задерживались в командировке». Они проходили мимо витрины с детскими яркими часиками с героями мультфильмов и с ремешками из разноцветного пластика.

— Хочешь? — спросила соседка, заметив его взгляд.

Он кивнул. Очень хотел.

Она купила ему самые дешёвые, маленькие, круглые. Адриан надел их тут же, не отходя от кассы. Смотрел на стрелки, которые двигались так быстро, так правильно, и чувствовал себя почти взрослым.

Дома мать увидела часы.

— Сними, — сказала она. Не спросила, не поинтересовалась — приказала.

— Но мне подарили…

— Я сказала — сними. — Голос матери был ледяным. Адриан тогда ещё не понимал, что такой голос — самый страшный. Она не кричала, не угрожала. Просто произносила слова, за которыми не было ни тепла, ни объяснений. — Часы тебе не нужны. Никогда не нужны.

Она забрала часы. Адриан не знал, что она с ними сделала: выбросила, спрятала, отдала кому-то. Он больше никогда их не видел. И больше никогда не просил у родителей подарков.

С тех пор он не носил часы. Сначала привычка, потом — принцип, просто детская обида, которая никуда не ушла.

Адриан снова взял странные часы в руки. Цепочка звякнула, задела край кружки, и этот звук показался слишком громким в тишине комнаты.

Секундная стрелка продолжала свой обратный бег.

Он перевёл взгляд на окно. Дождь не прекращался. Тяжёлые капли всё так же разбивались о подоконник, ветер где-то далеко выл всё настойчивее, и небо было таким низким, что казалось, коснись рукой, и оно рассыплется холодными осколками.

Телефон зазвонил неожиданно. Резкий, трещащий звук разорвал тишину, заставив Адриана вздрогнуть. На экране — незнакомый номер. Хотелось сбросить, но палец замер над кнопкой. Что-то остановило.

— Адриан? — женский голос, торопливый, с нотками взволнованности. — Ты меня слышишь?

— Алиса? — он не сразу узнал её. Алиса работала помощником редактора в «Хронике» — небольшой газете, где Адриан время от времени публиковал свои репортажи и очерки. Они не были близки, но она всегда относилась к нему с уважением, которого он, честно говоря, не всегда заслуживал, по собственному мнению. — Что случилось?

— Слушай, мне только что позвонил знакомый из полиции. Странное дело. Вчера вечером в привокзальной гостинице умер мужчина. Администратор. Сердце, говорят…

— И что?

— Ни одна газета, ни телевидение пока не в курсе. Адриан, ты должен приехать. Возьми камеру, поговори с полицией, свидетелями, если найдутся. Сделай пару снимков. Мы выдадим новость первыми.

— Хорошо, — устало сказал он. — Еду.

Он положил трубку и несколько секунд сидел неподвижно, глядя на погасший экран. В голове было пусто, как и утром, как всегда в последнее время. Но тело уже поднималось, ноги сами несли его к шкафу. Машинально схватив камеру по пути с тумбы и сунув в рюкзак, он накинул пальто и уже взялся за дверную ручку, когда взгляд упал на часы.

Они всё ещё лежали на столе. Стекло тускло поблёскивало в сером свете, цепочка змеилась по бумагам. Секундная стрелка неумолимо шла назад.

Адриан колебался секунду. Потом вернулся, схватил их и сунул в карман. Зачем — он не знал. Просто почувствовал, что оставлять их здесь нельзя.

На улице его встретил холодный, хлёсткий ветер. Моросивший дождь был противным, такой мелкий, который забирается под воротник и заставляет ёжиться. Небо было низким и тяжёлым, будто нависло над городом бетонной плитой. В такой сумрак трудно было поверить, что за ним — день. Но часы на приборной панели машины показывали половину одиннадцатого.

Дорога до вокзала обычно занимала не больше двадцати минут, но сегодня они растянулись на целый час. Стеклоочистители мерно скрипели, разгоняя воду, за окном проплывали серые здания, тусклые фонари, редкие прохожие с зонтами. Адриан почти не смотрел на дорогу, ведя на автомате, как и вчера. В голове крутились мысли: одна за другой, нескончаемым хороводом.

Алиса позвонила ему. Не штатному журналисту — тому бородатому мужчине с вечно усталыми глазами, который писал криминальную хронику уже десять лет. А ему, Адриану, внештатнику, который брался за репортажи в их газете нехотя и без воодушевления.

Почему?

Может, Алиса решила дать шанс тому, кто действительно нуждается? В груди шевельнулось что-то, похожее на надежду. А вдруг это его шанс? Не просто написать очередную заметку для раздела «Происшествия», а показать себя, сделать настоящий материал. Расследование. Статью, которую заметят. Которая откроет дорогу к чему-то большему.

Он тряхнул головой, отгоняя мечты. Сначала надо доехать.

Гостиница, возникшая перед ним внезапно, как только он вывернул из-за угла, представляла собой трёхэтажное здание из серого камня, с вывеской, тускло светящейся даже при

дневном свете. У входа стояла одна полицейская машина, мигалка не была включена, видимо, чтобы не привлекать лишнее внимание.

Молодой полицейский перекрывал вход, скучающе глядя по сторонам. Адриан заглушил двигатель, взял рюкзак, вышел из машины, направившись прямо к полицейскому.

— Стой, — поднял руку тот. — Ты куда?

— Я из газеты «Хроника». Мне позвонили…

— А, — протянул полицейский. — От Алисы, что ли?

Адриан кивнул.

— Проходи. Только быстро и ничего не трогай. Вон, — он махнул в сторону дверей.

Адриан шагнул внутрь.

Холл оказался просторным, с высокими потолками и тяжёлыми люстрами, которые сейчас не горели. Стойка администратора пустовала слева. Возле неё стоял коренастый усатый полицейский и о чём-то разговаривал, судя по всему, с директором гостиницы: полноватым мужчиной в строгом костюме, который нервно теребил галстук. Ещё один полицейский сидел на диване у стены и что-то записывал в блокнот.

Адриан сделал несколько снимков издалека: общий план холла, стойки. Потом подошёл усатому.

— Здравствуйте. Меня прислали из «Хроники». Можно задать несколько вопросов?

Усатый полицейский окинул его оценивающим взглядом, заметил камеру, блокнот, кивнул:

— Валяй. Только быстро.

— Что здесь произошло?

— Смерть. Администратор. Предварительно — остановка сердца.

— Как его звали?

Усатый перевёл взгляд на директора. Тот вздохнул, называя имя и вытирая вспотевший лоб.

— Молодой парень, — продолжал он. — Тридцать два года. Работал у нас третий год, хороший был работник, тихий, ответственный… — голос его дрогнул. — Я до сих пор не пойму, как такое случилось.

Адриан поспешно все записывал себе в блокнот.

— Кто обнаружил?

— Постоялица. Девушка. Вчера вечером заселилась вместе с матерью, а сегодня утром спустилась вниз и увидела его за стойкой...

— И вы не находите странным, — спросил Адриан, глядя на директора, — что у тридцатидвухлетнего мужчины остановилось сердце?

Директор развёл руками.

— Я вам не медик, молодой человек. Была ли какая-то слабость сердечная? Может, врождённый порок? Я не знаю. Он никогда не жаловался. Приходил, работал, улыбался. А теперь… — он махнул рукой, не договорив.

Полицейский кашлянул.

— Всё, хватит вопросов. Свидетелей опросили, тело увезли. Можете дальше в морге узнавать.

— Можно поговорить с той девушкой? С постоялицей?

— Пробуй. Только вряд ли мать тебя пустит. Она уже нам уши прожужжала: «Не трогайте моего ребёнка, у неё истерика, вы не видите?» — сквозь зубы процедил полицейский.

— Второй этаж, комната двадцать шесть, — подсказал между тем директор.

Адриан поднялся по лестнице. Коридор второго этажа был таким же безликим, как и холл: бежевые стены, серая ковровая дорожка, запах дешёвого освежителя воздуха. Он нашёл двадцать шестую комнату, постучал.

Послышались неторопливые шаги, и дверь открыла женщина лет пятидесяти, с жёстким лицом и поджатыми губами. Она окинула Адриана взглядом — камера, блокнот, мокрая куртка — и сразу поняла, кто перед ней.

— Журналист? — спросила она ледяным тоном.

— Здравствуйте, я из газеты «Хроника». Хотел бы задать несколько вопросов вашей дочери…

— Моя дочь ничего не будет рассказывать. — женщина шагнула вперёд, загораживая проход. — Она и так всё рассказала полиции. Оставьте нас в покое!

— Но это займёт всего несколько минут…

— Я сказала — нет. — голос её стал резче. — У неё и без того стресс. Увидеть мёртвое тело… В общем, идите.

Перед тем, как дверь захлопнулась, Адриан мельком увидел за спиной женщины бледное лицо молодой девушки. Он постоял несколько секунд, глядя на обшарпанную краску косяка. Потом повернулся и медленно пошёл обратно вниз.

В холле уже было пусто.

И Адриан опустился на диван. Положил на колени блокнот, перелистал исписанные второпях страницы. Он смотрел на эти строчки и чувствовал пустоту. Ни сенсации. Ни зацепок. Обычная смерть. Обычное дело. Приехал, сделал пару снимков, задал несколько вопросов — и что в итоге?

Зачем я сюда приехал? Ради пяти предложений в разделе «Происшествия»?

Он сунул блокнот в карман и нащупал там часы. Металл был холодным. Адриан вытащил их, посмотрел на циферблат. Секундная стрелка всё так же двигалась назад — медленно, неумолимо, будто ничего не случилось.

— Ну что ж, — сказал он себе, поднимаясь. — Посмотрим.

Он вышел из гостиницы под дождь, сел в машину и поехал домой писать заметку, о которой никто не вспомнит уже завтра.

Глава 4

Кабинет редакции «Хроники» находился на втором этаже старого здания в центре города. Три стола, поставленных буквой «П», занимали почти всё пространство. На них громоздились горы бумаг: старые газеты, распечатки, конверты, неразобранные письма, сломанные карандаши и исписанные ручки. Единственное окно, узкое и запылённое, выходило на глухую стену соседнего дома. На подоконнике чахло какое-то растение — Алиса уже забыла, как оно называется и когда его поливали в последний раз. Воздух в комнате был спёртым, пахло типографской краской, дешёвым кофе и безнадёгой.

Алиса сидела за своим столом, подперев щёку ладонью. На экране ноутбука медленно грузилась страница. Она листала фотографии, сделанные много лет назад. Сначала смазанные любительские снимки с выпускного из школы, где она, с красным дипломом и золотой медалью, стояла в первом ряду, сияющая, уверенная. Потом университет: фото у стенда с её фамилией среди отличников, ещё одно с красным дипломом на фоне старого корпуса.

Тогда она верила, что всё это что-то значит.

Одиннадцать лет спустя она работала в газете, которая дышала на ладан. Тираж падал. Зарплату задерживали. Редактор, пожилой циник с вечным запахом перегара, проводил в баре больше времени, чем в редакции, и на вопросы отвечал коротко: «Делайте что хотите, лишь бы продавалось».

Алиса закрыла вкладку. Синие круги под глазами за стёклами очков казались почти чёрными в тусклом свете единственной лампы. Светлые русые волосы были забраны в небрежный пучок на затылке. Она потянулась к кружке с остывшим чаем, но так и не отпила, просто вцепилась в неё пальцами, глядя на плавающие чаинки.

В дверь робко, едва слышно постучали.

— Войдите, — сказала Алиса, не поднимая головы.

Дверь приоткрылась, и в кабинет скользнула девушка — худенькая, бледная, со светлыми локонами. На щеках горел румянец, но не тот, что от мороза, а тот, что бывает от волнения или нездоровья. Она мяла в руках край длинного шелкового шарфика, оглядываясь с таким видом, будто ожидала, что её сейчас прогонят.

— Это… это газета «Хроника»? — спросила она тихо.

— Да, — Алиса выпрямилась. — Чем могу помочь?

— Я… — девушка запнулась, но тут же вновь заговорила. — Вчера в гостинице… я та самая девушка, которая нашла администратора.

Алиса замерла. Потом быстро закивала, указала на стул напротив:

— Садитесь, пожалуйста. Рассказывайте.

Девушка села, но не откинулась на спинку, а застыла на самом краю, сжав колени. Что-то в ней было такое, что придавало ей сходство с фарфоровой куколкой. Может быть, бледная кожа и большие глаза, а может воздушное платье, шелковый шарфик и аккуратное пальтишко сверху. И держалась она так, словно боялась сделать лишнее движение, чтобы не дай бог не разбиться.

— К нам приходил журналист, — начала она. — Я видела его. Мама не пустила. Но я… я должна рассказать.

— Что именно? — Алиса уже достала блокнот.

— Я нашла его. Администратора. Он лежал за стойкой. Я спустилась в холл рано утром. А он…

Она не договорила. Алиса не торопила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.